Дата поступления рукописи в редакцию: 30.12.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-755-759

ФУРМАН Феликс Павлович,
доктор философских наук,
профессор кафедры теории общественных наук
Северо-Западного института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ,
Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО И ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ АНДРЕЯ КУРБСКОГО

Аннотация. *В настоящей статье предпринимается комплексный компаративный анализ политико-правовых воззрений Ивана IV Грозного и князя А. М. Курбского, зафиксированных в их эпистолярном наследии. Данная дискуссия рассматривается автором не только как частный спор, но и как репрезентативное отражение столкновения двух альтернативных парадигм государственного устройства Московской Руси XVI столетия. В рамках исследования особое внимание уделяется дедукции теоретических основ концепции «православного христианского самодержавия» Ивана IV. Констатируется, что данная модель базируется на тотальной сакрализации верховной власти и постулирует недопустимость любых ее правовых или институциональных ограничений. Параллельно с этим рассматривается оппонирующая позиция А. М. Курбского, в которой акцентируется внимание на приоритете законности, необходимости коллегиального управления («совета») и подотчетности монарха высшим этико-правовым нормам. На основании проведенного анализа обосновывается тезис о глубоком идеологическом антагонизме представленных доктрин. В заключении проведенного исследования аргументируется положение о том, что данное противостояние заложило фундамент для долгосрочных тенденций в эволюции российской политико-правовой традиции и определило ключевые векторы дискуссий о природе власти в отечественной мысли.*

Ключевые слова: *самодержавие, православная политическая теория, русская политико-правовая мысль, власть и право, государство, тирания.*

FURMAN Felix Pavlovich,
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Theory of Social Sciences
at the North-West Institute of Management of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, St. Petersburg

IVAN THE TERRIBLE'S THEORY OF ORTHODOX CHRISTIAN AUTOCRACY AND ANDREI KURBSKY'S LEGAL AND POLITICAL IDEAS

Annotation. *This article undertakes a comprehensive comparative analysis of the political and legal views of Ivan IV the Terrible and Prince A.M. Kurbsky, recorded in their epistolary heritage. This discussion is considered by the author not only as a private dispute, but also as a representative reflection of the collision of two alternative paradigms of the state structure of Moscow Russia of the 16th century. Within the framework of the study, special attention is paid to the deduction of the theoretical foundations of the concept of "Orthodox Christian autocracy" by Ivan IV. It is stated that this model is based on the total sacralization of the supreme power and postulates the inadmissibility of any of its legal or institutional restrictions. In parallel with this, the opposing position of A. M. Kurbsky*

is considered, which focuses on the priority of legality, the need for collegial management ("council") and the accountability of the monarch to the highest ethical and legal standards. Based on the analysis, the thesis about the deep ideological antagonism of the presented doctrines is substantiated. The conclusion of the study argues that this confrontation laid the foundation for long-term trends in the evolution of the Russian political and legal tradition and determined the key vectors of discussions about the nature of power in domestic thought.

Key words: *autocracy, orthodox political theory, Russian political and legal thought, power and law, state, tyranny.*

Введение. В рассматриваемый период необходимо подчеркнуть, что эволюция Московского государства определялась форсированной централизацией и сакрализацией самодержавия, что заложило базис развития всей российской государственности. В этой связи особую научную значимость приобретает переписка Ивана IV и А. Курбского, которая представляется возможным квалифицировать как глубокую теоретическую дискуссию о природе суверенитета и правовых пределах реализации власти. Таким образом, данный эпистолярный памятник репрезентирует собой фундаментальное отражение ключевых общественно-политических и идеологических противоречий XVI столетия.

Целесообразно подчеркнуть, что актуальность исследования данного вопроса обусловлена выявлением в идеологическом противостоянии Ивана IV и А. Курбского фундаментальных парадигм правопонимания. Представляется очевидным, что сформулированные в ходе дискуссии концепты сохраняют свою эвристическую ценность для ретроспективного анализа российской политико-правовой традиции, равно как и для осмысления её современных модификаций.

Цель статьи - выявить содержание и особенности теории православного христианского самодержавия Ивана Грозного и правовых и политических идей Андрея Курбского, а также определить их историко-правовое значение.

Основной материал. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что трансформация политико-правовых воззрений Ивана IV и А. Курбского была детерминирована переходом от удельной раздробленности к централизованной монархии, что закономерно сопровождалось ослаблением позиций боярства. В данной связи концепция «Москва - Третий Рим» выступила фундаментом идеологической легитимации самодержавия, сакрализуя власть монарха и утверждая мессианский статус государства.

Параллельно с этим, альтернативная доктрина Курбского базировалась на парадигме коллективной ответственности правителя и системе сдержек, представляя собой синтез отечественных традиций и западноевропейской мысли. Таким образом, данная полемика отражала фундаментальную дифференциацию политических культур в условиях масштабного государственного строительства [1].

В контексте исследования политико-правовой мысли России XVI века ключевое значение приобретает теократическая концепция Ивана IV, базирующаяся на постулате о трансцендентном источнике верховной власти. В рамках данной парадигмы самодержавие рассматривается не как результат социальной конвенции, а как установленная свыше институция, что априори исключает возможность лимитации полномочий монарха нормами позитивного права. Следовательно, государь наделяется статусом медиатора между сакральным и профанным порядками, становясь эксклюзивным субъектом исторического процесса, действия которого подлежат исключительно метафизическому суду.

Следует подчеркнуть, что категория «страх Божий» претерпевает функциональную трансформацию, институционализируясь как универсальный нормативно-юридический регулятор и инструмент государственного администрирования. В этой связи политическая оппозиция квалифицируется как духовная трансгрессия (грех), что влечет за собой неизбежные сакральные санкции. В конечном итоге, присвоение монархом квазисвященнических функций ведет к нивелированию границ между светской и духовной юрисдикциями, детерминируя утрату правом институциональной автономности. Таким образом, доминирование воли суверена над формально-юридическим регламентом послужило базисом для формирования специфического внеправового типа абсолютизма [5].

В рамках политико-правовой доктрины Ивана IV постулируется аксиоматическое отрицание возможности детерминации царской власти нормами позитивного права или традиционными институтами. Следует отметить, что закон в данной интерпретации выступает не как автономная нормативная сила, а как производная субстанция, генерируемая исключительно волей суверена.

С точки зрения субъектно-объектных отношений, боярство и служилое сословие позиционируются как реципиенты властных импульсов, полностью лишенные политической субъектности.

Характерно, что любая форма оппозиции или диссидентства квалифицируется не только как государственное преступление (измена), но и как трансгрессия сакрального порядка (грех). Данная установка позволяет легитимизировать репрессивный аппарат, апеллируя к религиозно-этическим категориям.

В контексте правовой онтологии Ивана Грозного специфическое соотношение власти и нормы проявляется в наделении акта царской воли статусом единственного первоисточника правопорядка. Таким образом, право утрачивает свойства стабильной системы общеобязательных правил и трансформируется в инструмент ситуативного регулирования, жестко аффилированный с текущими преференциями монарха.

Анализ деформации правосознания позволяет сделать вывод, что данный подход обусловливает переход от процедурной легитимности к персонализированной модели подчинения. В этой связи юридическая определенность нивелируется в пользу ожидания волевого решения «сверху», что деструктурирует само понятие права как механизма социальной предсказуемости.

Принципиально важным аспектом выступает диффузия понятий правонарушения и политической нелояльности. Исходя из этого, любое действие, диссонирующее с позицией государя, подвергается расширительному толкованию как посягательство на основы государственного строя, что создает прецедент для произвольного применения санкций, не ограниченных рамками формальных норм [7].

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что концепция Ивана IV предполагает тотальную инкорпорацию правовой сферы в поле абсолютной власти. Право в данной парадигме лишается институциональной автономности, становясь атрибутом политического суверенитета, что фундаментально дистанцирует данную модель от традиционных европейских и сословно-представительных форм ограничения монархии.

Феномен опричнины, в контексте исследования трансформации государственного управления, следует интерпретировать как практическую реализацию доктрины православного самодержавия, направленную на «сакральное очищение» госаппарата и окончательную субординацию аристократии. Необходимо констатировать, что введение данного режима ознаменовало системную деструкцию традиционного правопорядка и переход к чрезвычайному управлению, характеризующемуся институциональным дуализмом и замещением единого правового поля системой прямой монаршей юрисдикции. Следовательно, рациональное администрирование было окончательно вытеснено приоритетом личной лояльности, что полностью нивелировало классические механизмы судебного и административного контроля.

Более того, в рассматриваемый период происходит кристаллизация специфической легитимации насилия, апеллирующей не к юридическим нормам, а к метафизической целесообразности защиты «православного царства». В этой связи, карательные практики приобрели превентивный характер, способствуя формированию новой управленческой элиты, чьи отношения с сюзереном базировались исключительно на внеюридической преданности. В конечном итоге, опричнина функционировала как масштабный системный эксперимент по институционализации внеправового дискурса, закрепив превалирование волюнтаристской модели над законом и завершив радикальную трансформацию самодержавной власти в её восточно-христианской интерпретации [6].

В рамках сравнительного анализа политико-правовых парадигм XVI века следует констатировать фундаментальное расхождение между доктринами Ивана IV и А.М. Курбского. Если первый настаивал на неограниченном характере суверенитета, то в трактовке Курбского государственная власть детерминируется не как атрибут господства, а как форма этического служения. Важно отметить, что в данной системе координат легитимность монарха не является безусловной данностью, а выступает переменной величиной, напрямую зависящей от соответствия действий правителя нормам христианской этики и принципам естественной справедливости.

Следовательно, утрата властью нравственных ориентиров неизбежно ведет к ее делегитимизации, что, по мнению автора, санкционирует право общества на моральное сопротивление и вербальное обличение произвола. Более того, властные полномочия интерпретируются Курбским как «тяжкое этическое бремя», требующее постоянной верификации решений на предмет их соразмерности общественному благу. В конечном счете, подобная концепция утверждает приоритет метафизической истины над политическим диктатом, тем самым фиксируя принципиальный разрыв с моделью самодержавия, где ответственность монарха носит исключительно трансцендентный и бесконтрольный характер.

Исследуя политико-правовую доктрину А.М. Курбского, представляется необходимым подчеркнуть постулат о безусловном верховенстве закона и незыблемости традиции («старины»), ограничивающих волю суверена. На основании проведенного анализа можно констатировать, что мыслитель эксплицирует раннюю концепцию правового лимитирования власти, концептуально противопоставляя её деспотическому произволу.

В частности, принципиальное значение здесь имеют аксиологическая роль традиции как имманентного барьера волюнтаризма, правовая преемственность поколений и безусловный приоритет юридических норм над текущей политической целесообразностью.

Более того, следует акцентировать внимание на том, что Курбский отвергает возможность легитимации беззакония ссылками на государственную необходимость, что содержит имплицитную критику опричных форм управления. Следовательно, соблюдение закона и традиции в данной парадигме функционирует не в качестве технического инструмента, а в роли базисного основания легитимности. Таким образом, соблюдение данных норм выступает ключевым критерием демаркации правомерного правления и тирании, что наделяет теорию Курбского выраженным антиавторитарным потенциалом, сближая её с раннемодерными европейскими концепциями конституционализма [2].

В рамках политической доктрины А.М. Курбского институт совета интерпретируется не как факультативный атрибут, а как фундаментальный, системообразующий элемент государственного управления. Следует отметить, что легитимное правление, по мнению автора, имплицитно опирается на консенсус «мудрых мужей», выступающий механизмом интеграции рациональных и этических начал в процесс принятия решений.

Следовательно, коллегиальный дискурс служит средством верификации управленческих актов и минимизации рисков превалирования субъективных преференций монарха над публичными интересами. Более того, антитиранический потенциал совета заключается в преодолении интеллектуальной изоляции правителя, что предотвращает генезис деспотизма через создание легитимного пространства альтернативных мнений. Таким образом, доктрина Курбского, базирующаяся на аксиологии разумного правления, а не на формальных актах, представляет собой значимый этап в генезисе отечественной теории ограниченной монархии как формы институционального лимитирования власти [3].

В рамках сравнительного анализа эпистолярное наследие Ивана IV и А. М. Курбского интерпретируется не как частная полемика, а как фундаментальное столкновение антагонистических моделей власти: сакрализованного самодержавия и сословно-представительной монархии. Необходимо подчеркнуть, что Иван IV постулирует абсолютную легитимность власти божественным правом, квалифицируя любое сопротивление как метафизическое вероотступничество. Напротив, со своей стороны, Курбский апеллирует к категориям христианской этики и правовым ограничениям, инкриминируя монарху переход к деспотизму и нарушение обязательств перед подданными. Следовательно, данная дискуссия выступает уникальным прецедентом теоретического обоснования границ суверенитета и ответственности правителя в отечественной политической мысли [4].

Результаты исследования. Проведенный комплексный историко-правовой анализ со всей очевидностью показывает, что окончательное утверждение самодержавной парадигмы в XVI веке выступило ключевым детерминирующим фактором радикальной трансформации российской государственности. Данный процесс не только институционализировал централизацию власти, но и заложил незыблемый идеологический фундамент последующего развития абсолютизма, сформировав специфическую сакрализованную модель властвования. Вместе с тем, в рамках научной объективности необходимо подчеркнуть, что интеллектуальное наследие князя А.М. Курбского сохранилось в истории отечественной мысли как репрезентативный альтернативный проект. Его воззрения сформировали необходимые концептуальные предпосылки для критической рефлексии о правовой легитимности и моральной ответственности суверена перед обществом, предложив раннюю версию идеи ограниченной монархии.

Представляется, что фундаментальное значение рассматриваемого дискурса заключается в выявлении глубокой, неустранимой дихотомии национального правосознания. Если концепция Ивана IV де-факто институционализировала безусловный приоритет монаршей воли над любыми нормативно-правовыми установлениями, то тезисы Курбского, напротив, апостериорно утвердили право как объективный, трансцендентный критерий оценки действий власти. Следовательно, рассматриваемое идеологическое противостояние обозначило ключевой антропологический и экзистенциальный конфликт между императивом государственной целесообразности и признанием политической субъектности личности. Данная коллизия стала отражением более масштабного процесса поиска баланса между авторитаризмом и элементами представительства.

Резюмируя все вышеизложенное, следует аргументированно констатировать, что исторический спор между царем и опальным князем является структурообразующим элементом всей отечественной политико-правовой мысли. В конеч-

ном итоге, данная полемика задала устойчивую парадигмальную рамку для многовековых дискуссий о сложной корреляции институтов публичной власти и верховенства закона. Таким образом, интерпретация этого диалога остается релевантной и для современного этапа развития политической теории, позволяя глубже осмыслить генезис и специфику национальных механизмов государственного управления.

Выводы. Проведенный комплексный анализ теократической концепции православного самодержавия Ивана IV в её концептуальном сопоставлении с оппозиционными политико-правовыми воззрениями князя Андрея Курбского позволяет с высокой степенью достоверности детерминировать данный дискурс как переломный и наиболее значимый этап генезиса всей отечественной государственно-правовой мысли. Следует признать, что глубокая научная экспликация и последующая компаративистика данных доктрин не только дают возможность верифицировать фундаментальные онтологические основания российской модели властвования, но и позволяют системно объяснить объективные детерминанты исторического доминирования автократической парадигмы в национальном политическом процессе.

Более того, представляется критически необходимым констатировать, что идейная полемика между монархом и опальным князем сохраняет исключительную научную актуальность, поскольку в её рамках затрагиваются базисные, вневременные дилеммы интерференции публичной власти, нормативно-правовых установлений и высших этических императивов. В конечном счете, данный исторический спор продолжает выступать объектом интенсивной научно-теоретической рефлексии в рамках современной политико-правовой теории. Он служит надежным теоретическим базисом для глубокого осмысления проблем легитимности, источников суверенитета и правовых пределов государственного принуждения, тем самым предопределяя вектор развития национального государственного строительства на многие столетия вперед.

Список литературы:

[1] Горохов П.А. Иван Грозный как проблема отечественной философии истории //Философия и культура. 2024. № 11. С. 29-48.

[2] Ерусалимский К.Ю. Этико-политическое учение князя Андрея Курбского //Философия. Журнал высшей школы экономики. 2024. Т. 8. № 3. С. 117-175.

[3] Ерусалимский, К.Ю. История о великом князе Московском А.М. Курбского: археографические и историографические аспекты: дис. …канд. историч. наук. М.. 2002. 577 с.

[4] Каравашкин А.В. Иван Грозный и Андрей Курбский: конфликт интерпретаций // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 148-161.

[5] Перевезенцев С.В. «Правду во царьство свое введешь...». Образ «истинного христианского царства» в русских духовно-политических сочинениях середины XVI века // Тетради по консерватизму. 2021. № 1. С. 123-156.

[6] Прокошев В.А. История опричнины в трудах С.Ф. Платонова и влияние его концепции на отечественную историографию 1890-Х–1920-Х гг. // Современная научная мысль. 2025. № 2. С. 239-245.

[7] Шавеко Н.А. Идеал правды в Московском государстве (XVI-XVII вв.): политико-правовые аспекты // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 49-71.

References:

[1] Gorokhov P.A. Ivan the Terrible as a problem of the Russian philosophy of history//Philosophy and culture. 2024. № 11. S. 29-48.

[2] Yerusalimsky K.Yu. Ethical and political teachings of Prince Andrei Kurbsky//Philosophy. Journal of Higher School of Economics. 2024. VOL. 8. № 3. S. 117-175.

[3] Yerusalimsky, K.Yu. The story of the Grand Duke of Moscow A.M. Kurbsky: archaeographic and historiographic aspects: dis.... Cand. historian. sciences. M.. 2002. 577 p.

[4] Karavashkin A.V. Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky: conflict of interpretations//Studia Litterarum. 2020. VOL. 5. № 1. S. 148-161.

[5] Perevezentsev S.V. “You will introduce truth into your kingdom... The image of the “true Christian kingdom” in Russian spiritual and political works of the mid-16th century//Notebooks on conservatism. 2021. № 1. S. 123-156.

[6] Prokoshev V.A. History of the oprichnina in the works of S.F. Platonov and the influence of his concept on the domestic historiography of the 1890s X-1920s .//Modern scientific thought. 2025. № 2. S. 239-245.

[7] Shaveko N.A. The ideal of truth in the Moscow state (XVI-XVII centuries): political and legal aspects//Discourse-Pi. 2024. VOL. 21. № 2. S. 49-71.